

Людмила Колодяжная

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

Стихотворения 2000–2014 гг.

Москва
Вест-Консалтинг
2015

Людмила Колодяжная
БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ
Стихотворения 2000–2014 гг.
М.: Вест-Консалтинг, 2015 — 76 с.

ISBN 978-5-91865-332-6

СОДЕРЖАНИЕ: ГЛАВЫ

<i>Вступление. Томик Пятикнижья</i>	5
<i>ОГЛЯДКА ЛОТОВОЙ ЖЕНЫ</i>	6
<i>КОВЧЕГ</i>	9
Мы построим Ковчег	10
Бредет усталый Ной	12
<i>ЛЕСТВИЦА ИАКОВА</i>	13
Тянулась к небу лестница витая	14
Лестница Иакова	15
<i>ИЗ КНИГИ ЦАРСТВ</i>	17
Давид и Голиаф	18
Давид перед Ковчегом	20
Давид и Саул	22
Давид и Мелхола	24
Полюбила отрока дочь	25
Твой голос из света свит	27
Давид и Ависага	28
<i>САМСОН И ДАЛИЛА</i>	30
<i>СОН ПРОРОКА ИЛИИ</i>	32
В день Илии Пророка	33
Сон Илии под сенью можжевела	35
Библию читаешь без меня	37
<i>ИЗ КНИГИ ТОВИТА</i>	39
Вереницы путей доверяю тебе	40
И как бедный Товит, я прозрею	42

В оформлении книги использованы иллюстрации Гюстава Доре.

© Людмила Колодяжная, текст, 2015
© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2015

ИОВ	44
ИЗ КНИГИ ЕККЛЕСИАСТА	47
Все́му свое время	48
Дождь ути́хает под утро.....	49
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	51
Лист в Песни Песней кленовый	52
Раскрыты на столе библейские рассказы.....	54
ДАНИИЛ-ТАЙНОВИДЕЦ.....	55
Расскажи мне, Даниил,	
что случится на веку	56
Ты знаешь всё, что мне приснится	58
ИЗ ПСАЛТИРИ.....	60
Расцвела строка твоей Псалтири.....	61
Нас песнь Давидова влекла	63
Псалом 11.....	65
Псалом 13.....	67
Псалом 21.....	68
Псалом 50.....	70
Псалом 90.....	72
Л. Эрлих. Неиссякающая река времени	73

Томик Пятикнижья

*Если дом утратой выжжен,
и сплелись тропинки сетью,
вспомни — томик Пятикнижья
близ лампы где-то светит.*

*Пусть блеснет в дали туманной
нить дождя, иль манны кроха,
чтоб доверившись обману,
вдруг подумал — жить неплохо,*

*если есть еще синица,
что к окошку подлетает,
из ладошек пьет водицу,
а журавлик — в небе тает,*

*ставя медленную точку
где-то там, в тиши небесной,
там, где Библии листочки
не смолкают — о чудесном...*

ОГЛЯДКА ЛОТОВОЙ ЖЕНЫ

*«Лишь сердце мое никогда не забудет —
Отдавшую жизнь за единственный взгляд...»*

А. Ахматова

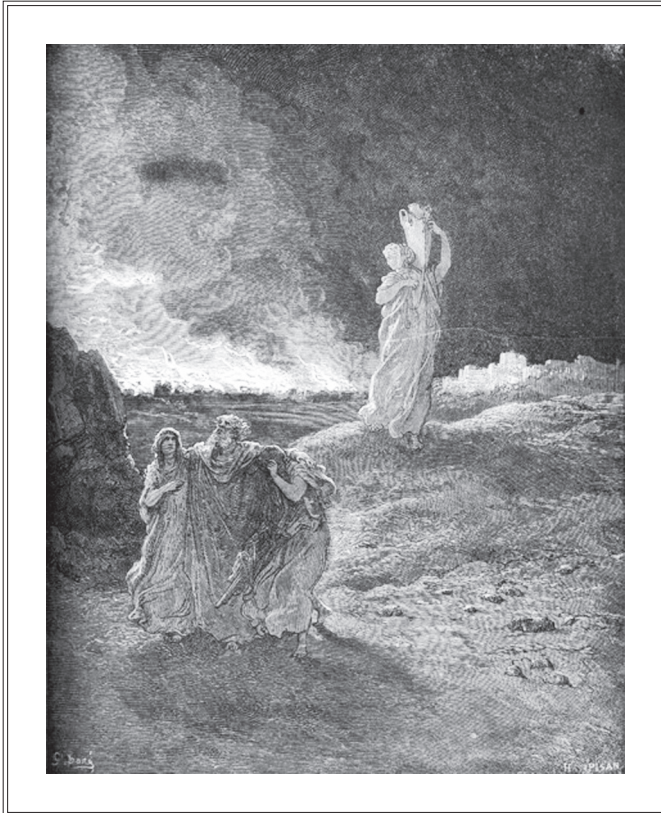
Последняя горная вьется стезя
перед женою послушною...
Шла, зная — оглядываться нельзя,
чтоб Ангела — не послушаться.

Но что там ждет, в чужеземной дали? —
судьбы неизвестен очерк...
А перед нею за Ангелом шли —
праведный Лот и дочери.

И за спиной пламенел Содом...
— что, если случайно споткнуться,
на миг прощальный увидеть дом —
нет, нет — нельзя оглянуться,

ведь город Божьим казнен судом,
на камне не станет камня,
но неужели и милый дом
охвачен небесным пламенем?

Так — в горней шла она тишине
по камням скользким и гладким...
— Господь велик, пусть простится мне
последняя в жизни оглядка.

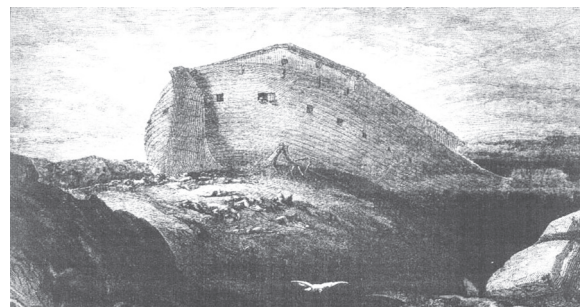

Она оглянулась... И Тишиной
вдруг стала — навек, бессрочно...
Не слышал Лот шагов за спиной,
и вздоха — не слышали дочери.

Она стала меньшею из утрат,
но доля ее — тревожит...

Отдавшая жизнь за последний взгляд,
который, как вызов брошен...

КОВЧЕГ

Мы построим Ковчег

Если к дому близко подступит беда,
Если голос Божий встревожит кровь,
Мы построим Ковчег и возьмем туда
Каждой твари по паре да нашу любовь.

В высоту он будет в тридцать локтей,
А длиной корабль словно Божий дом,
Мы возьмем туда и птиц и детей,
И за сорок дней беду переждем.

И мы будем плыть над высокой водой,
Родниковой той разорвавшей высь,
И причалит дом наш к Земле святой,
Над волной встающей, как горний мыс.

Там стоит начальная тишина,
Там скрипит калитка близ райских врат,
Там земля еще от воды влажна,
Это будет наш с тобой Арарат.

И уткнется лодка в песчаный берег,
Будет в стены бить святая вода,
Встретит голубь нас, отворим Ковчег,
И забудем о том что была беда —

В высоту он будет в тридцать локтей,
А длиной корабль словно Божий дом,
Мы возьмем туда и птиц и детей,
И за сорок дней беду переждем.

Бредет усталый Ной

Иссякла времени глубокая река,
и на смоковнице иссохла завязь...
И в трещинах сухие берега,
сжигает кто-то нас живьём, не каясь.

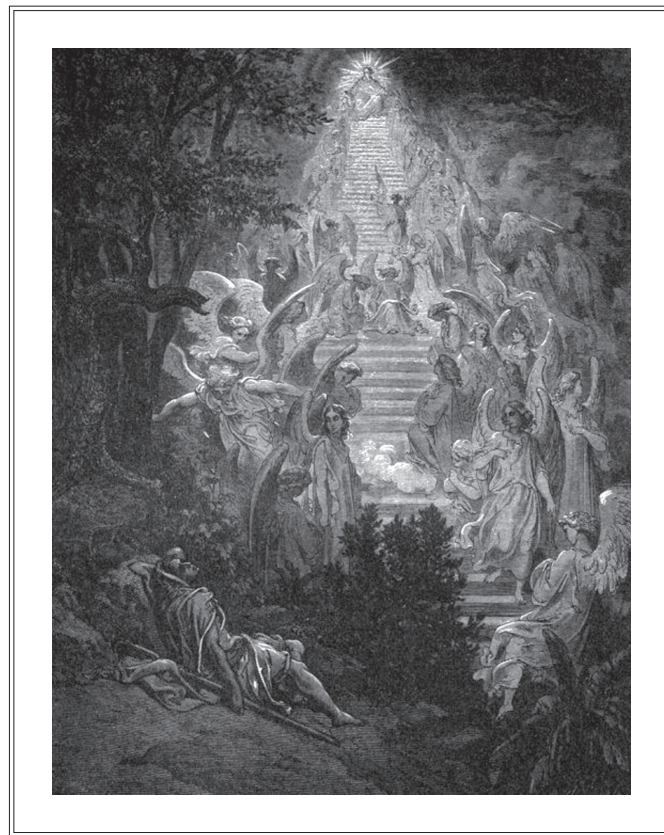
И птицы не поют, в тупик уходит путь,
деревья не растут на огрубевшей тверди.
На горней высоте лишь где-нибудь
последний распускается бессмертник.

В домах огонь, агония и зной,
актеры покидают злобы сцены.
Из мглы веков бредет усталый Ной,
чтоб строить нам спасительные стены.

Чтоб оживала вновь Земля, тиха,
чтоб Голубь нас освободил из плена...

Но где-нибудь, в какой-нибудь вселенной
всё зреет яблоко — для нового греха...

ЛЕСТВИЦА ИАКОВА

Тянулась к небу лествица витая

Святое озаряется лицо
лучом в ночи, хотя свеча истлела...
Тень ангела мелькнувшего — задела
крыла концом уснувшее крыльцо.

Ночь ожила... Сквозь шелестенье крыл
тянулась к небу лествица витая,
та, над которой ангелы витают,
чей образ пред Иаковом проплыл.

У каждого скрещения дорог
всегда найдется в изголовье камень,
чтоб к страннику сошел небесный пламень —
видением во сне, как звезд исток.

И пусть в ночи истаяла свеча,
но ждет уже чистейшая страница,
когда под утро Слово озарится,
как Лик святой от первого луча.

Лествица Иакова

*«И увидел во сне: вот, лестница
стоит на земле, а верх ее касается неба;
и вот, Ангелы Божии восходят
и нисходят по ней».*

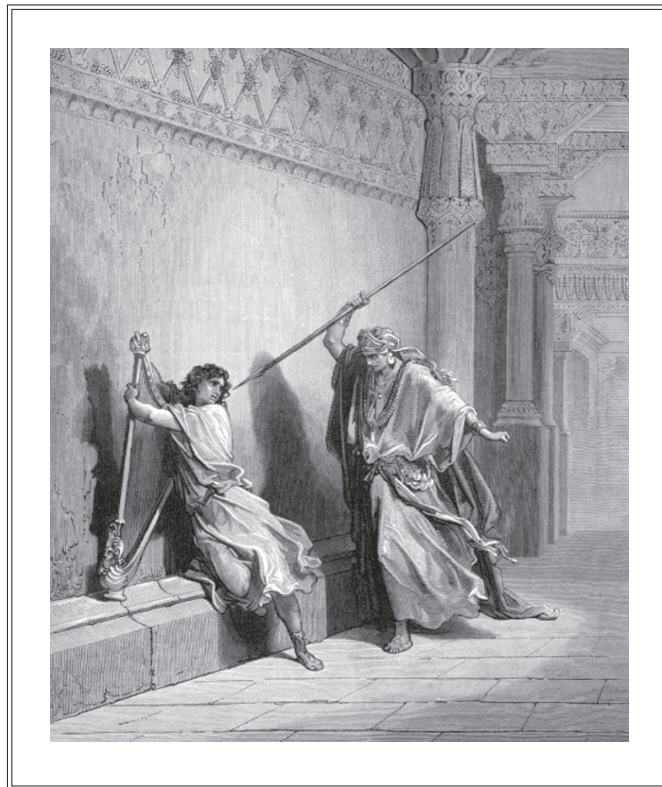
Бытие, 28, 12

Тропка —
топкая,
робкая,
всякая —
бездны предвестница,
наместница —
от земли до небес лестницы —
сновиденной, Иаковой.
И в этих временах,
и в давних —
памятью к нам
влекома —
лестница, вымоленная из камня —
облаком,
льнущая,
растущая
верхушкой — к Раю,
в пустыне без края,
лестница, играющая
крыльями,

корневищем тающая
в Вефиле...
Тропка всякая —
зыбкая,
гибкая —
лествица Иакова —
вьется
бездной-колодцем...

КНИГИ ЦАРСТВ

Давид и Голиаф

*«Руце мои сотвористе орган,
и персты мои составиша псалтирь.
И кто возвестит Господеву моему?
Сам Господь, Сам услышит.
Сам посла Ангела Своего,
и взят мя от овец отца моего,
и помаза мя елеем помазания Своего...»*

151 псалом

Невзрачен, беден дней исток —
овец в дому отца пасох,
бродя средь братьев тенью юной,
былинкой, безразличной миру...

Но персты сотворили лиру,
и песней возвестили струны
о Сыне, об Отце и Духе...
Иль ангелы, Господни слуги

слова несли все выше, выше,
иль звуки первые слышал
всеслышащий Господь Творец,
но от родительских овец,

был взят для высшего веселья...
Чело умащено елеем...
Стал — ратник я небесной рати,
отличный от родных, от братьев —

на них нет Божия огня,
высокие им чужды речи...
Не братья — я повергнул в сече,
врага, проклявшего меня...

Давид перед Ковчегом

2 Цар. 6, 13–14

Давид перед Ковчегом пляшет —
ведь только Бог развеселит
уста, припавшие к той чаше,
что пред уставшими стоит.

О трудной славе псалмопевца,
далекий царь, ты знаешь сам,
закрыта Книга, словно дверца,
а ключ затерян — в небесах.

Давид-провидец веселится,
псалмы написаны давно,
а здесь — спасенья луч струится
к страницам в узкое окно.

Пусть пляшет царь перед Ковчегом,
пусть смотрит Бог на нас в ночи,
пока, покрыта белым снегом,
страница-схимница молчит.

Ведь круг безмолвья разомкнется,
и ангел мне строку прочтет,
молитва, что дичком привьется,
созрев, в страницы упадет.

Теряется листва с деревец,
чтоб стыть заплатами окон...
Пред Богом пляшет псалмопевец,
святые — светятся с икон.

Пусть перед вечностью кружится
певец, листва, да рой словес...
Но только бы договориться —
до исполнения чудес.

Давид и Саул

*«Давид взяв гусли, играл, —
и отраднее и лучше
становилось Саулу,
и злой дух отступал от него...»*

1 Цар. 16, 23

Не надо других лекарств —
песни святая водица —
Первая Книга Царств,
тысячная страница.

О том, что свершалось встарь,
строки с Небес сходили —
«Разве Саул, наш царь,
пророк?» — так говорили...

Отрок-Давид подул
в свирель... И развеселился,
от зла отошел Саул —
отроком царь пленился.

Там играет Давид —
на гуслях, свирели, лире...
Саул не помнит обид,
волны веселья в мире.

И высыхает исток
варварства и коварства,
музыки крепнет росток —
Древом Первого Царства.

Давид и Мелхола

*«В душе ее боль и обида,
но хочет Мелхола Давида...»*

А. Ахматова

Порою ждешь, чтоб всё уснуло,
чтоб тишиной свечу задудло,
пробились лунные лучи,
чтоб за печатью дней, за гулом,
сквозь мглу столетий различить —
о чем Давид поет Саулу...

Какою силой мог он, отрок,
рассеивать потоки мглы —
ведь песни путь, как жизнь, короток
и злом обвиты все углы...
Но перед тем, кто сердцем кроток,

сдается зло... И лишь Мелхола,
ко прочим женихам суха,
не избежав судьбы укола,
клянет Давида-пастуха,

но от предчувствия сердце ноет,
и, странным пламенем горя,
она мечтает стать женою
то ль бедняка, то ли — Царя...

Полюбила отрока дочь

Пала на долы
Сауловы ночь.

Мелхола,
Царская дочь,

Пастуха полюбила,
Сеть свила —

Из голоса — пастуха в рубище...
Бьется добычей будущей.

Песни ведь сети те же,
Только тоньше, да реже...

Мелхоле холеной стыдно —
Пастух, жених незавидный...

Но ведь мальчик, певец-пастух
Струн ли смехом, иль гуслей гулом,

Укрощает бесовский дух
Богом брошенного Саула —

Силой той, что всегда едина
У певца и у Бога-Сына...

У Царя, у Саула — ночь —
Полюбила Давида — дочь...

Отрок, нищий —
Сильна обида...

Только — кличет
Мелхола — Давида...

Твой голос из света свит

Твой голос из света свит,
а не из темного гула,
псалмопевец Давид
отгоняющий зло от Саула,

мальчик, певец, пастух,
скажи начальнику хора —
псалмом отгони злой дух
я сегодня — Мелхола...

Сегодня звездная ночь,
Путь Млечный — в привычном русле...
Сегодня — я царская дочь,
пусть грусть — отгоняют гусли.

Псалмопевец, Давид,
отгоняющий зло от Саула,
твой голос из света свит,
а не из темного гула.

Пусть — возгорится заря
на горизонте небесном...
Пастух — превыше царя,
если слагает песни...

Давид и Ависага

*«Когда царь Давид состарился, ... то покрывали
его одеждами, но не мог согреться. ... и нашли Ависагу,
и привели ее к царю. Девушка была очень красива,
и прислуживала ему; но царь не познал ее».*

Третья Книга Царств, 1

Как талый снег, клубилась
влага
девичьих слез — бедой-обидой,
когда любила
Ависага
с дряхлеющим царем Давидом,

крылом-рукою укрывая,
как ангел,
царственное тело,
дитя, от слез едва живая,
себя оплакивая,
пела...

Свивалась
тень от юных линий,
но царь, тепла
уже лишенный,

перед пастушкой
был бессилен —
женой, воздушно-
обнаженной...

Клубилась влага
снегом талым —
девичьих слез, росой пролитой...
Свой свод свивала Ависага
устало
над царем Давидом...

САМСОН И ДАЛИЛА

*«И сказала Далида Самсону:
скажи мне, в чем великая сила твоя..?»
Суд., гл.16, 6*

Ты уснешь на коленях моих, а под утро
оплету твою душу ночью строкою,
но веселым Самсоном ты рвешь мои путы,
строки вянут, как стебли, под сильной рукою.

Голос твой в тишине пролагает долину,
я иду по ручьям, отражаясь в бездонных,
я иду за тобою бессонной Далилой,
чтоб тебя разгадать, как Далила Самсона.

Ты поющей тропой прорастаешь мне в душу,
голос твой, словно волос, и в нем твоя сила,
потому и не рву, чтобы слушать и слушать,
чтоб тебя разгадать, как Самсона Далила.

Я хочу, чтобы голос твой сник тишиною,
чтобы стала свободна я, тайной владея,
чтобы ты потерял свою власть надо мною,
как лишенный кудрей Судия иудеев...

СОН ПРОРОКА ИЛИИ

В день Илии-пророка

В день Илии-пророка
воды похолодели...
Утки взлетели высоко,
ласточки близко пропели.

В августе — посвежело,
дождь с высоты пролился,
склонился куст можжевела,
сон Илии приснился.

Снились — нездешние лилии
ему — на нездешней тверди...
И, как сказано в Библии,
молил Илия о смерти.

В августе — посвежело,
свет небесный пролился,
под сенью куста можжевела
спящий Пророк молился...

Но ведомо только Богу
всё, что с нами случится...
Господь вознесет Пророка
на огненной колеснице.

В августе — вспыхнет огромное
облако вдруг над твердью...
И под раскаты грома
вспомним мы о бессмертье...

Сон Или под сенью можжевела

*После дня пути он сел
под можжевеловым кустом отдохнуть.
Терзаемый печалью, он стал просить
у Бога смерти себе:
«Довольно уже, Господи; возьми душу»...*

Мысль прячется иголкою в стогу
травы забвенья... Мы очнемся где-то,
когда-нибудь с тобой на берегу
реки, впадающей, быть может, в Лету
за краем света, где-нибудь в дали,
над нею облака — как корабли
плывут — их отраженья незаметны.

Кто знает, может, к этому моменту
увидим, что осталась ностальгия,
и жизнь — уже разбитая на ленты
дорог, когда-то пройденных с другими.

Мысль прячется иголкою в стогу
травы забвенья... Но не гаснет пламя
в камине, в домике на берегу
реки. В конце ее — вырастает в землю камень,

и каждый путник, возле камня спящий,
один и тот же видит сон: когда
растет, как Лествица, воздушная гряда,
он видит ангелов, с небес сходящих.

Мысль прячется иголкою в стогу
травы забвенья. В той пустыне белой
я тайно сон твой каждый стерегу —
сон Илии под сенью можжевела,

когда ты спишь — с молитвой на устах,
о том, чтобы душа вошла в пределы
тех царств, где нет душе предела
и где земной над ней не властен страх...

Библию читаешь без меня

*«Да простит тебя Бог,
можжевеловый куст...»*

Н. Заболоцкий

Библию читаешь без меня,
без тебя — холодный воздух пуст...
В этот день не разожгу огня,
светится тот можжевела куст,

Скрытые вечерней тишиной,
взглядами встречались в небесах,
куст горел нетленной Купиной,
вечность проступала на часах.

В памяти остался синий звон
ягод холодеющих в дали...
Я читаю Библию — про сон
древнего пророка Илии.

Над тобою пусть склонится куст
можжевела, где заснул пророк,
от твоих пусть прилетает уст
Слово, что тебе прошепчет Бог,

чтоб осенний вечер не был пуст
в день, где я не разожгу огня,
светится лишь можжевела куст...
Библию читаешь — без меня...

ИЗ КНИГИ ТОВИТА

Вереницы путей доверяю тебе

«Ангел отвечал: могу идти с тобою и дорогу знаю...»
Книга Товита, 5, 6

Вереницы путей доверяю тебе,
каждый мост сожженный — добыча случая,
приучай, как Ангел, к летучей судьбе,
или нет — поучай, приручай, иль мучай.

В створки крыльев твоих заключи меня,
унеси мою жизнь за земные скобки,
вдоль пути твоего — поземка огня,
вдоль пути моего только свечку робкую

я несущу... Дыханье сбивает огонь,
наши тени сближаются — жаркие, зыбкие,
по ладони-тени — твоя тень-ладонь
проскользнет и в тропе растворится рыбкой.

Пусть меня охватит в дороге дрожь,
вправо, влево шаг — я к нему готова,
то ли я иду, то ли ты ведешь,
словно Ангел Божий когда-то Товия.

Пусть крыла твоего мне тяжел покров,
но любая крона дает просветы,
и судьба моя — это твой улов,
и речей твоих меня тянут сети.

Ты приставлен свыше к моей судьбе,
вняв тебе, помедлю на полуслове,
каждый шаг, иль шепот ведут к тебе,
если Ангел ты, я — как бедный Товий.

И как бедный Товит, я прозрею

«Товий — это все, что во мне боится и неуверенно...

А Ангел — это все остальное...»

Нина Берберова «Курсив мой»

Здесь — часа четыре до рассвета...
Я пишу, об этом не спросив
никого — ведь это «мой курсив»,
чтобы вспомнить древние сюжеты.

Я пишу — с любовью безответной,
я тебе пишу издалека...
Наугад открытая строка
светится во тьме ветхозаветной.

Жизни, становящейся судьбою,
розовеет вдалеке закат —
свет строки, открытой наугад...
Жаль, что не прочли ее с тобою.

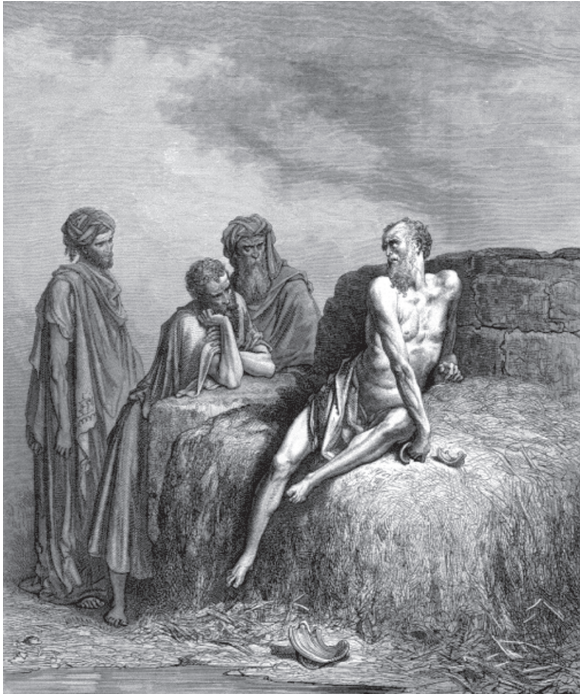
За тобой еще идти готова я
в даль — куда бы ты не восходил.
Может, ты — архангел Рафаил,
что спасал тогда в пустыне Товия?

Уводи меня в любое Царство,
ветер злой нам будет нипочем,
мы с тобою рыбу испечем,
чтоб извлечь старинное лекарство.

Мрак всегда быстрее света зреет,
шум времен мешает слушать тишь...
Рафаил, меня ты исцелишь,
и как бедный Товит я прозрею...

ИОВ

Где вырастает ивы
ствол в песок сожженный,
вырастает Иов
тенью прокаженной,

славя Божье Имя,
позабыв утраты,
зная — Бог отымет,
что давал когда-то.

Лучше — песни ветра,
чем богатства гири,
лучше Божья света
стороны четыре.

Пусть Господь свивает
дом прозрачней, проще,
пусть душа сияет
сквозь лохмотья-мощи.

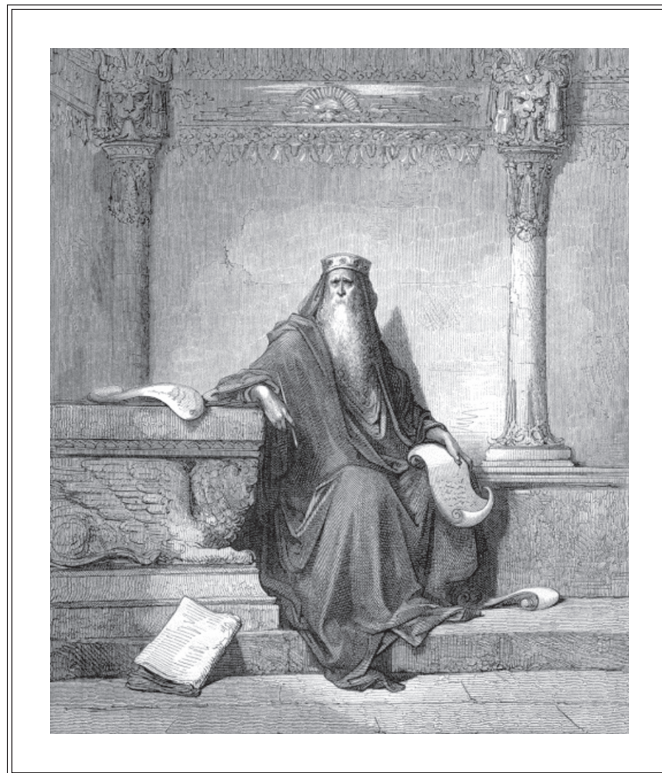
Босы ведь выходим
из родного лона,
босы переходим
мы под райски кроны,

где склонится мостом
над потоком ива,
где спадет короста
и воспрянет Иов,

славя Божье Имя,
позабыв утраты,
зная — Бог отымет,
что давал когда-то.

ИЗ КНИГИ ЕККЛЕСИАСТА

Всему свое время

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом...»

Екклесиаст

Помнишь, мудрец сказал в сердце своем —
на тех забытых страницах,
которые мы с тобой перечтем,
что всё должно повториться.

И всё же качается жизнь на весах,
и звездные ловят нас сети,
на круги вечные в небесах
осенний вернется ветер...

Осень... Ветвей прозрачный венец
солнце лучами пронзило.
Помнишь, сказал в своем сердце мудрец —
осень... Всё это было.

Жизнь — это просто просторный зал,
где ожиданье, как бремя.
Помнишь, мудрец в своем сердце сказал:
«Приходит всему свое время...»

Также растут над пустыней холмы,
пусть нам не дано их увидеть...
Но «время любить» так продлили мы,
что «времени нет — ненавидеть...»

Дождь утихает под утро

«Время уклоняться от объятий...»

Екклесиаст

Дождь утихает под утро,
время пришло расставаться,
как говорили мудрые —
время пришло уклоняться

нам от объятий навеки,
время, когда стали сухи
слова, как сбивающий вехи
ветер, вернувшись на круги,

время вспомнить о давнем,
где не считали минуты,
время разбрасывать камни,
время стать бесприютным.

Дождь утихает под утро,
облако к звездам причалит,
как говорили мудрые —
время вернуться к началу.

Вспять возвращаются строки,
время, где стрелки сломаны,
время уходит к истоку,
где было — только слово,

дождь утихает под утро,
окон светлее распятыя,
как говорили мудрые —
время уйти от объятя...

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Лист в Песни Песней кленовый

*«А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней».*
А. Ахматова

Вернись —
к папирусно-папиросной
страниц россыпи,
переверни,
перечти главы, сочтя число
их в Книг Книге,
к которой никнет,
кротко чело...

Влейся слухом
в Соломоново соло,
в перебивающий его тихий,
кажущийся духом
голубиным — голос
Суламифи...

Вспомни — строки гибче
становятся, свив,
как гнездо птичье,

любовный миф,
привычно-
старый, а все, как новый...
Сохранить его — нелишне
в памяти-нише,
заложив
лист в Песни Песней — кленовый...

Раскрыты на столе Библейские рассказы

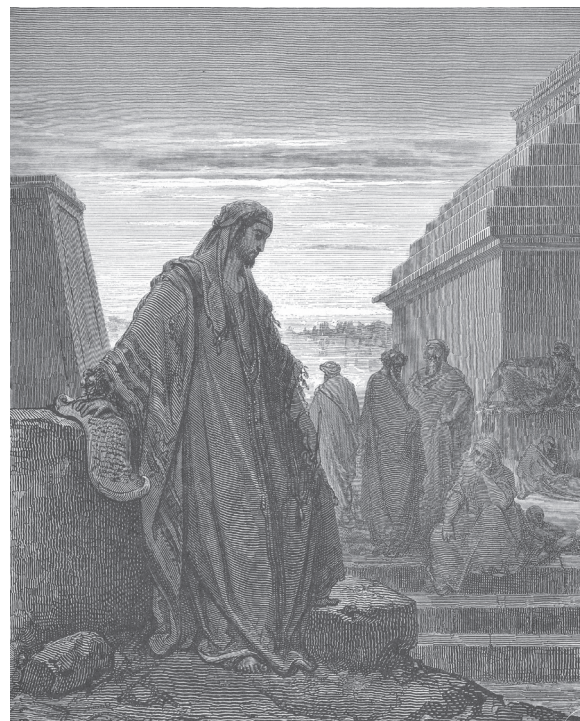
Раскрыты на столе Библейские рассказы,
прочти мне тихо, вслух, забытое давно.
Пусть в комнате растет узор, обрывок фразы,
пусть к ней прильнут лучи, пролившиеся сквозь окно.

Тяжелый пласт веков прозрачной станет дымкой.
Сквозь время мы пройдем в тот белоснежный Сад.
И строфы пусть растут узором-паутинкой,
и опьянит лозой нас древний виноград.

Пусть притча расцветет здесь, на путях воздушных,
и оживет на миг забытый нами Миф...
Великий Царь — стучится в дверь к Пастушке,
сулит любовь устам звук долгий — Суламифь...

Чтоб Песня Песней вновь в просторе зазвенела,
и вспыхнула огнем хладеющая кровь,
чтоб ревности, остры, упали в сердце стрелы,
чтоб вспомнили — крепка, крепка, как смерть,
любовь.

ДАНИИЛ-ТАЙНОВИДЕЦ

**Расскажи мне, Даниил,
что случится на веку**

Уведи в далекий тыл,
где за сценой гул затих,
тайновидец, Даниил,
толкователь снов моих.

На сплетеньях древних строк
столько ты веков стоишь...
Слышу я тебя, Пророк,
помню всё, о чем молчишь.

Надо мною расплещи
слов крылатых звукомяд...
Светят отроки в печи,
три свечи в ночи горят.

Подари свою мне речь
пусть меня утешит плач,
речь твоя струится с плеч
откровением, как плащ.

Вечен в небе звездный прах —
из него и ты рожден,
возрастает голос птах,
прерывая звездный стон.

Надо мною шелест крыл,
к сердцу — речь твою влеку,
расскажи мне, Даниил —
что случится на веку...

Ты знаешь всё, что мне приснится

Псалмы, наездницы, развалины,
равнины с вереском в подпалинах,
в веках воспетые холмы,

страшит одежда чернотою,
тропа над пропастью пустою,
и рядом — кони, рядом — мы.

Поет рожок среди древних сосен,
зачем — вдвоем? Никто не спросит,
и не пойдем мы здешних слов,

ведь просто — я сопровождаю
тебя туда, где сны витают,
а ты — ты толкователь снов.

Твой взгляд пророчески-горячий,
провидит путь в той райской чаше,
где вьются яблони дымком.

Ты знаешь всё, что мне приснится,
брат Даниила-тайновидца,
ты все расскажешь мне о том —

зачем тропа между холмами
лежит, как пропасть между нами,
и я не знаю, где мой тыл,

зачем меня с тобою сводит
твой Бог, зачем вся жизнь проходит,
как след загадки, Даниил?

ИЗ ПСАЛТИРИ

Расцвела строка твоей Псалтири

В час покаянья расцвела
строка твоей Псалтири.
Икона светит из угла,
чтобы душа вздохнуть могла
о том, что Бог есть в мире.

О, как трудны еще слова!
Пока лампада светит,
они встают, как острова,
к которым плыть — не год, не два,
а два тысячелетия.

Пусть каждый слог, как вздрог весла,
приучит к новой речи,
сменив основы ремесла...
Пусть каждый звук, как взмах крыла,
небес дыханьем лечит.

Здесь, на пространстве небольшом
клочка страницы, сотки —
здесь — грех отпущен и прощен,
и жест прощальный разрешен,
и строк готовы чётки.

Букв ожерелье, в ноль карат —
его наряд убогий
еще дороже — во сто крат,
когда превыше всех наград —
лишь взгляд с иконы строгий.

Печаль его — всегда чиста,
прозрачна, как основа
листа, папируса, холста,
чтоб пройдена была верста —
от слова и до Слова,

Чтобы душа вздохнуть могла
о том, что Бог есть в мире...
Икона светит из угла,
в час покаянья расцвела
строка твоей Псалтири.

Нас песнь Давидова влекла

Краюха райского тепла
Обломком лунным светит
Над той рекою, где ветла
Ветвями клонится, светла,
В потоки первого псалма
Сквозь три тысячелетья.

Нас песнь Давидова влекла,
Единственная в мире,
И близилась ночная мгла,
Но из лампадного угла
Полоска света пролегла,
И абрис вечного крыла
Качнулся над Псалтирю.

И ветер бьет в колокола,
Звук — тишины предтеча
Вольется в сердце, как игла,
Лишая дара речи.

И ветер, тишины лишен,
Перебирает чётки
Дрожащих почек... Льется звон
В церковные решетки.

И гулом вечности объят
Свод, заверченный строго
Крылами ангелов, чей ряд
Оплакивает Бога.

Толпа молящихся стоит
И долгой вереницей
Сквозь дым кадил и плач молитв
Подходит к Плащанице.

И от рассвета до зари
Природа плачет вдосталь —
Залиты грустью пустыри,
Читается Апостол...

Вослед за звуком — Тишина
Приходит в час весенний...
Смерть Тишиной побеждена
В Святое Воскресенье...

Псалом 11

*«Спаси, Господи, ибо
нет верных между
сынами человеческими...
Слова Господни —
слова чистые, серебро,
очищенное от земли в горниле...»*

Псалом 11,2–7

Ангел даль опалит крылом,
Зло сокрывшееся порушит.
Вольным плачем льется псалом,
Увлекая к полету душу,

Извлекая ее из тенет,
Возвращая беглянке имя...
Упаси, Господь, ибо — нет
Верных меж сынами Твоими,

Кроха правды, как вздох, проста:
Лесь — безвыходна, злость — ничтожна,
Ибо — Бог иссушит уста,
Напоенные пеной-ложью,

Зная — худшие из сынов
Человеческих правят в мире...
Болью бьющих Господних слов
Мы спасаемся, вторя лире,

Возвеличившись Словом, перо
Отклоняет ум от гордыни,
Словом, чистым, как серебро,
Переплавленное в горниле.

Псалом 13

*«Сказал безумец в сердце своем:
«Нет Бога...».
Вы посмеялись над мыслью нищего,
что Господь упование его...»*

Псалом 13,1–6

О, как лучом слова связать,
Чтоб тьма не побеждала свет?
Безумец только мог сказать
В умершем сердце: «Бога нет» —
За золото и серебро
Свершая подлые дела,
Не различая зло, добро...

Ужалит Господа стрела
Не разумеющих основ,
Тех, истлевающих во прах,
Нечеловеческих сынов,
В гордыне позабывших страх...
Из светлых, из нетленных строк
Господь их вычеркнет навек,
Господь запомнит нищих, тех,
Чья жизнь — о Боге долгий вздох...

Псалом 21

*«Ибо псы окружили меня...
пронзили руки мои и ноги,..
делят ризы мои...»*

Псалом 21,17–19

Боже мой! Боже мой! День за днем
Я рыдаю, ночной порою...
Ты не внемлешь... Далеك от покоя —
Упованья мои об одном.

От рожденья до смерти, весь век
Дух томится двойною природой —
Поношенья терплю от народа —
Червь ли, раб ли я, царь, человек...

Ты — Господь мой! С начальных лет
В сердце вложено упование,
На Тебя я оставлен — страданье,
Скорбь близка, а помощника нет.

И противников тучны стада,
Алча жизни моей, обступили,
Кровь, как жалоба, бьется в жилах,
Сила жизни ушла, как вода,

Как свеча, угасающий мозг
Мукой смертной вслед телу изранен,
И язык мой прилипнул к гортани,
Сердца тает тоскующий воск.

Окружили меня злые псы,
Видно час, мне назначенный, близок,
А враги делят платье и ризы...
Видно, дрогнули жизни весы.

Псалом 50, покаянный

*«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей,
и по множеству щедрот Твоих
очисти беззаконие мое...»*

Псалом 50, 3

Господь! Твои безмерны силы.
Вот пред Тобой мой скорбный стих.
За беззакония помилуй —
По множеству щедрот Твоих,

Дней чистых радость невозвратна.
Душа перед Тобой — тиха.
Меня очисти многократно —
От беззаконий, от греха.

Как вздох за вздохом в долгом стане,
Так за бедой бежит беда.
Свои я вижу беззаконья,
Мой грех передо мной — всегда,

В счастливых днях, в жестоком горе —
От слез не скрыться мне нигде.
Ты прав в суровом приговоре,
Господь, и чист в Твоем суде.

Омой меня Твоею славой,
Небесной влагой одари
И обнови во мне дух правый
И сердце — чистым сотвори.

Слова без покаянья — мертвы,
И Твой не улаждают слух,
Пока не принесу я в жертву
Страданьем сокрушенный дух.

Псалом 90, охранительный

*«Не убоишься ужасов в ночи, стрелы,
летящей днем...»*

Псалом 90, 5

Помни, воин, Господь защитит,
Смерть крылом тебя не коснется,
Если в ладанке на груди
Текст зашит —
Псалом девяностый.

Помни, воин, мы не одни —
Не погубишься злой стрелою,
Той, что ночью летит во дни...
Не покроется жизнь твоя мглою.

Потому что, когда — беда,
Чтоб земля не стала сожженной,
Зашивают Псалом всегда
В твою ладанку — девы и жены...

Так ведется веков испокон —
Защитит, словно ангелов латами,
Грудь твою — девяностый псалом,
Что всегда под кольчугою спрятан...

НЕИССЯКАЮЩАЯ РЕКА ВРЕМЕНИ

*«Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны...»*
Осип Мандельштам

*«И через дорогу за тын перейти
Нельзя, не топча мироздания...»*
Борис Пастернак

При просмотре кинофильмов бывает такое: проносится на экране как будто бы вполне заурядный, не поднимающийся над уровнем обыденности поток событий, и вдруг включается музыка за кадром, и всё происходящее на экране чудесно преображается, исполняется символического значения. Обнажается тайный смысл, заключённый в обыденном, и можно «в одном мгновении видеть вечность». Стихам Людмилы Колодяжной в высшей степени присуще обострённое ощущение присутствия символических смыслов во всём пространстве нашей жизни, ощущение нашего пребывания в русле грандиозной реки времени, протекающей сквозь нашу жизнь и нас самих. Это постоянное присутствие высоких смыслов дарует ощущение прочного фундамента вечности у зыбкой нашей жизни:

*«Из мглы веков бредет усталый Ной,
чтоб строить нам спасительные стены».*

Глубинным источником архетипов, глубинных образов и смыслов, пронизывающих нашу культуру, является Библия, книги Ветхого и Нового Заветов. Стихи Людмилы Колодяжной отличает особая чуткость к отблескам образов и смыслов Библии в творчестве поэтов, «жизнь мою сложивших». Это наполняет её стихи аллюзиями как на исходные тексты Библии, так и на стихи великих предшественников, например:

*«Расскажи мне, Даниил, что случится на веку,
Уведи в далекий тыл,
где за сценой гул затих...»*

Многочисленны в стихах аллюзии на стихи Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Гумилёва, но, к сожалению, недостаток места лишает меня наслаждения обширного цитирования. Аллюзии эти появляются то в виде неявных цитат, то в виде интонационно-ритмических напоминаний, создавая чудесные эффекты двойного лучепреломления. Но замечу всё же, что общее чувство предстояния перед вечностью, столь сконцентрировано выраженное в пастернаковском «Гамлете», является, пожалуй, сквозной мелодией и характерным

«лица необщим выраженьем» стихов Людмилы Колодяжной.

*«Тяжелый пласт веков прозрачной станет дымкой.
Сквозь время мы пройдем в тот белоснежный Сад.
И строфы пусть растут узором-паутинкой,
и опьянит лозой нас древний виноград...»*

Л. Эрлих, математик
10 марта 2015

Литературно-художественное издание

Людмила Ивановна Колодяжная
БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ
Стихотворения

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 200 экз.
Сдано в набор 10.03.2015
Подписано в печать 24.03.2015

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.